Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

48/2-3 | 2007

Les résonances de 1905

Anatol' Lerua-Bol'e o pervoj russkoj revoljucii

Ksenia TSYKOVA

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/9013>

DOI : 10.4000/monderusse.9013

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 15 avril 2007

Pagination : 393-412

ISBN : 978-2-7132-2147-7

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Ksenia TSYKOVA, « Anatol' Lerua-Bol'e o pervoj russkoj revoljucii », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 48/2-3 | 2007, mis en ligne le 01 janvier 2007, consulté le 03 septembre 2022. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/9013> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.9013>

Tous droits réservés

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_482&ID_ARTICLE=CMR_482_0393

Anatol' Lerua-Bol' e o pervoj ruskoj revoljucii

par Ksenia TSYKOVA

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2007/2-3 - Vol 48

ISSN 1252-6576 | ISBN 9782713221477 | pages 393 à 412

Pour citer cet article :

—TSYKOVA K., Anatol' Lerua-Bol' e o pervoj ruskoj revoljucii, *Cahiers du monde russe* 2007/ 2-3, Vol 48, p. 393-412.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

КСЕНИЯ А. ЦЫКОВА

АНАТОЛЬ ЛЕРУА-БОЛЬЕ О ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Анатоль Леруа-Болье (1842-1912) – французский ученый и публицист; член Академии моральных и политических наук (1887); профессор, с 1906 г. – директор Свободной школы политических наук в Париже, умеренный либерал. Его перу принадлежит фундаментальный труд, ставший классикой французского руссиеведения – создававшееся и дополнявшееся в 1870-х-1890-х гг. трехтомное исследование «Империя царей и русские»¹, и множество статей о России, в том числе о событиях 1905-1907 гг. Образ России, созданный в его работах и воспринятый французской элитой, повлиял на процесс сближения двух держав, что было признано современниками в обеих странах.

Тема России в произведениях Леруа-Болье не рассматривалась в монографических исследованиях, но затрагивается в ряде работ, от некрологов², по уровню анализа и богатства фактического материала выходящих за рамки жанра, до исследований последних лет. Из трудов Леруа-Болье о России наибольший интерес вызывает книга «Империя царей и русские». Для данной работы она является важнейшим источником – если статьи Леруа-Болье, написанные непосредственно в годы первой русской революции и после нее, дают возможность проследить детально эволюцию его взглядов и оценок, нюансы восприятия, то «Империя царей и русские» остается основой для сравнения.

1. A. Leroy-Beaulieu, *L'Empire des Tsars et les Russes: 1. Le Pays et les habitants. 2. Les Institutions. 3. La Religion*, P., 1991.

2. F. Charnes, «Anatole Leroy-Beaulieu», *Revue des Deux Mondes*, 1.07.1912; P. de Quirielle, «Anatole Leroy-Beaulieu», *Revue hebdomadaire*, Juillet 1912; R. Pinon, «Anatole Leroy-Beaulieu», *Revue des Deux Mondes*, 1.11.1913; R. Stourm, «Notice historique sur la vie et les travaux de M. Anatole Leroy-Beaulieu», *Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, t. 83, février, P., 1915; П. Шаль, *Анатоль Леруа-Болье*, Спб., 1913; М.М. Ковалевский, «Анатоль Леруа-Болье», *Русские ведомости*, 8.06.1912, № 131; Он же, «Две смерти», *Вестник Европы*, 1912, № 7.

Американский историк М. Раев полагает, что «Империя царей и русские» была единственным произведением во Франции, дающим «полное представление о России накануне Первой мировой войны», даже с учетом литературы, появившейся в эпоху русско-французского союза³. Эта книга получила признание и других ученых, прежде всего французских, указывающих не только на ее историческую ценность, но и на актуальность⁴. Современные российские исследователи, несмотря на различные оценки труда Леруа-Болье, отмечают его значение в формировании «позитивного образа России» в эпоху между франко-прусской и Первой мировой войнами⁵.

Статьи А. Леруа-Болье, посвященные первой русской революции, стали объектом изучения в 1920-х гг. Э. Альзона главным образом интересовала взаимосвязь между социальной принадлежностью и политическими взглядами представителей французского общественного мнения и их позицией в отношении русской революции. Леруа-Болье для нее прежде всего был католиком и «умеренным писателем»⁶. Ж. Мишон, стремясь доказать ошибочность русско-французского союза, напротив, ставил Леруа-Болье чуть ли не в один ряд с социалистами, непримиримыми противниками монархической России и альянса с нею. Положения статей Леруа-Болье иногда цитируются им вне контекста, что ведет к искажению мыслей и взглядов автора⁷.

Исследователи, стремившиеся определить место работ Леруа-Болье не только в общественном мнении Франции, но и в историографии истории России с 1861 до 1917 гг., пришли к выводу о близости его взглядов с позициями русских либеральных историков и политических деятелей. На это указывал В.Н. Наумов, советский исследователь, признавший Леруа-Болье «по праву основоположником французского россиеведения»⁸. Сходное заключение делает М. Раев, автор введения к французскому переизданию «Империи царей и русских», которое является наиболее подробным и глубоким исследованием об А. Леруа-Болье и его работах. Успешное социально-экономическое развитие России по европейскому пути во второй половине XIX-начале XX вв. задерживалось и искажалось из-за отсутствия политической модернизации. Революция 1905-1907 гг. не решила вполне стоявших перед страной проблем, однако ее политические итоги создали возможность для их мирного разреше-

3. M. Raeff, «Introduction», in Leroy-Beaulieu, *L'Empire des Tsars...*, p. LXV-LXVII.

4. M. Cadot, *L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française: 1839-1856*, P., 1967; C. Corbet, *L'opinion française face à l'inconnue russe: 1799-1894*, P., 1967; A. Besançon «Préface», in M. Raeff, *Comprendre l'ancien régime russe: État et société en Russie impériale*, P., 1982; Ж. Нива, «Ясная прозрачность Леруа-Болье», in Ж. Нива, *Возвращение в Европу: Сборник эссе о русской литературе*, М., 1999.

5. Г.И. Любина, *Россия и Франция: История научного сотрудничества: вторая половина XIX-начало XX вв.*, М., 1996; Т.В. Партаненко «Представления о России во Франции конца XIX-начала XX вв.», *Studia culturae*, вып. 2, СПб., 2002.

6. E. Alzona, *Some French contemporary opinions of the Russian revolution of 1905*, New York, 1921.

7. G. Michon, *L'alliance franco-russe: 1891-1917*, P., 1927.

8. Н.В. Наумов, *Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии*, М., 1975.

ния в будущем – при условии, что к этому будут стремиться правящие круги России. (Если Наумов критиковал эту точку зрения, утверждая объективную неспособность самодержавия предотвратить Октябрьскую революцию, Раев отстаивает роль личностного фактора и «Его Величества случая» в истории). Главное расхождение, отмеченное Раевым в позиции Леруа-Болье и русских либералов в отношении событий 1905-1907 гг. – это стремление кадетов к немедленному установлению в России парламентского режима и убеждение Леруа-Болье, что его достижение возможно лишь постепенно⁹.

В 1998 г. в первом, ретроспективном номере повременного издания «Cahiers Anatole Leroy-Beaulieu» опубликована статья Леруа-Болье 1906 г. с кратким вступлением Д. Кола, где сопоставляются позиции М. Вебера и А. Леруа-Болье по отношению к русским революциям¹⁰.

Таким образом, проблема первой русской революции в восприятии А. Леруа-Болье кратко затрагивалась историками в общих работах о нем или в трудах, посвященных другим сюжетам, специального исследования этой темы не проводилось. Между тем, в эпоху Третьей республики Леруа-Болье был во Франции одним из самых авторитетных экспертов по русским делам, и его оценки русской революции 1905-1907 гг. представляют особый интерес.

После долгого перерыва три весны подряд, в 1905, 1906 и 1907 гг., Леруа-Болье приезжал в Россию, «желая сделаться очевидцем могучего освободительного движения...». Именно на эпоху первой русской революции приходятся последние личные впечатления Леруа-Болье от России. Сохранившиеся о них сведения отрывочны, но их разнообразие дает представление о брожении умов, «лихорадке» революции и «первых дней свободы», сменившейся затем охлаждением, о стремительных переменах в России.

В 1905 г. Леруа-Болье с женой объехали юг страны, останавливаясь на несколько дней в Кишиневе, Одессе и Киеве¹¹. По пути в Москву они посетили Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Вечером киевские студенты и профессура с одинаковым жаром обсуждали с французом будущую конституцию, на следующий день «великий старец» убеждал его, что все парламентские надежды пусты и поверхностны¹².

В 1906 г. Леруа-Болье стал свидетелем первых выборов в Думу на территории Царства Польского. Он был одним из немногих иностранных журналистов, получивших доступ на торжественное открытие I Думы в Георгиевском зале Зимнего дворца; присутствовал на первых заседаниях Думы в Таврическом дворце; дважды беседовал с премьер-министром И.Л. Горемыкиным; встречался с либеральными политическими деятелями и депутатами, представляющими русскую профессуру – например, с юристом и историком М.М. Ковалевским, с религиозным философом, первым

9. Raeff, «Introduction».

10. A. Leroy-Beaulieu, «En Russie: la Douma, la révolution russe» in D. Colas, éd., *Cahiers Anatole Leroy-Beaulieu*, n° 1, janvier 1998.

11. А. Леруа-Болье, *Антисемитизм*, Киев, 1906, с. 3.

12. A. Leroy-Beaulieu, «Léon Tolstoï», *Revue des Deux Mondes*, 15.12.1910, p. 808-810.

выборным ректором Московского университета С.Н. Трубецким, с историком Н.И. Кареевым, с литературоведом и исследователем революционного движения П.Е. Щеголевым. И в то же время – подвергался обыску на вокзале; слушал выступления уличных ораторов; его горячо обнимали у входа в Таврический дворец, приняв за депутата, восторженные незнакомые люди¹³.

В 1907 г. Леруа-Болье встречался как с ушедшими в отставку, так и действующими «главными министрами», среди которых бывший глава правительства С.Ю. Витте, министр народного просвещения в его кабинете И.И. Толстой, премьер П.А. Столыпин, министр иностранных дел А.П. Извольский¹⁴.

Впечатления Леруа-Болье и его анализ происходящих событий отразились в статьях и выступлениях на конференциях, опубликованных во французских журналах «Revue», «Revue politique et littéraire» («Revue bleue»), «Revue des Deux Mondes», «Courrier Européen»; в открытых письмах в «Temps», «Journal des Débats» и газету «Страна», издаваемую М.М. Ковалевским, в личной переписке.

Леруа-Болье крайне серьезно воспринимал разворачивавшиеся в России в 1905-1907 гг. события, полагая тогда, что русская революция, «может быть, займет в истории человечества место столь же великое, как наша Французская Революция»¹⁵. Леруа-Болье подчеркивал, что такие кризисы в жизни народов могут длиться годы и даже десятилетия. Очевидно, он имел в виду не только внешние проявления революции, но и процесс решения тех исторических задач, которыми она была вызвана. Так, в конце XIX в. Леруа-Болье писал, что французы не могут с уверенностью утверждать, завершилась ли их революция за сто лет, прошедшие с ее начала. С.А. Толстая вспоминала об их беседе в мае 1905 г.: «Leroy-Beaulieu сказал про русскую революцию, когда был у нас: “Vous en avez pour 50 ans” ...»¹⁶.

Французский исследователь неоднократно отмечал, что русская революция – одновременно социальная и политическая. Но, несмотря на признание того факта, что обе эти составляющие имеют огромную важность для судьбы страны, особое внимание он уделял прежде всего политическому аспекту происходивших событий, проблеме конституции и народного представительства. Попытаемся проследить, какие у него на то были причины.

Изучая Россию, Леруа-Болье пришел к убеждению, что, несмотря на ее отличительные особенности, она способна и должна стать частью западноевропейской цивилизации, сохранив при этом свою индивидуальность. По его

13. A. Leroy-Beaulieu, «En Russie: la Douma, la révolution russe», *Revue politique et littéraire (Revue bleue)*, 14.06.1906, 21.06.1906; *Idem*, «Sur la mort du prince Serge Troubetzkoï», *Journal des débats*, 17.10.1905, p. 1; Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом) – далее ИРЛИ РАН., ф. 627, собрание П.Е. Щеголева, оп. 2, ед. хр. 54.

14. И.И. Толстой, *Дневник: 1906-1916*, СПб., 1997, с. 95-96; A. Leroy-Beaulieu, «La Russie et l'Europe», *Les questions actuelles de politique étrangère*, P., 1907, p. 269, 277.

15. Leroy-Beaulieu, «En Russie: la Douma...», 14.06.1906, p. 33.

16. С.А. Толстая, *Дневники*, т. 2, М., 1978, с. 251, 415.

мнению, природно-географические отличия, неблагоприятные исторические обстоятельства на время обусловили изоляцию и отставание России от Западной Европы, но не являлись непреодолимыми препятствиями на пути достижения этой цели. Леруа-Болье считал решение задачи примирения России «с самой собой и с Европой» не только жизненной необходимостью для нее, которая должна обеспечить ей нормальное внутреннее развитие и способность быть достойным конкурентом западных держав, но возвращением к ее истинному историческому предназначению.

Предшествующие столетия и в особенности такие ключевые моменты российской истории, как преобразования Петра I, Великие реформы Александра II отчасти приблизили Россию к Западу в материальном, социально-экономическом отношении, но не в политической сфере:

Эта загадочная Россия похожа на двуликого Януса; она одновременно и молода и стара. Если по своим институтам и еще более по духу своего правления она остается архаической, полусредневековой, то по своему экономическому развитию, по своей промышленности, по своим военным ресурсам это уже современное государство.¹⁷

Преодоление этого разрыва, не сокращавшегося, а напротив, углублявшегося в последние десятилетия XIX в., Леруа-Болье считал важнейшей задачей России.

Его взгляды на возможность политического развития страны претерпевали свою эволюцию. В начале 1870-х гг. он полагал, что введение конституции в России преждевременно. Но, более детально изучив ближайшие результаты Великих реформ, французский исследователь пришел к выводу, что их следовало бы увенчать дарованием народного представительства. Пожалованное сверху сильной властью, оно, по мнению французского публициста, долгое время ограничивало бы монархию только формально, но явилось бы для общества школой политических свобод. Этот путь предоставил бы России преимущество перед странами Запада, поскольку он был бы мирным и эволюционным, в то время как большинство европейских государств уже пережили революции и разрыв с прошлым. Самым своевременным моментом, по мнению Леруа-Болье, были бы 1870-е гг., когда еще был силен авторитет царя-освободителя, а правительство не потеряло инициативы. Но даже после царевубийства 1 марта 1881 г. Леруа-Болье еще считал такой путь возможным.

Правление Александра III и начало царствования Николая II французский исследователь оценивал как время регресса политической жизни страны. В то же время попытки законсервировать ее социальное развитие оказались неудачными вследствие экономического прогресса, обусловленного результатами Великих реформ и желанием самого самодержавия сделать страну сильной и богатой. В России складывались два новых класса – буржуазия и пролетариат.

17. A. Leroy-Beaulieu, «L'Empereur Alexandre III», in A. Leroy-Beaulieu, *Études russes et européennes*, P., 1897, p. 98-99.

С одной стороны, Леруа-Болье на рубеже веков допускал, что возможность создания конституционной монархии в аграрной стране была бы иллюзорной:

<...> Мы воображали, что политическое развитие России может опередить ее экономическое развитие и социальную эволюцию, в то время как оно должно лишь следовать за ними.¹⁸

В области экономического развития России самодержавие еще оказалось способно на историческую инициативу. Но чтобы последствия этих мер не обернулись против него, верховной власти необходимо было взять на себя также миссию социального арбитра, умеющего разрешить как противоречия, корни которых были в прошлом, так и негативные последствия перемен:

Если когда-нибудь <...> самодержавие испытает нужду оправдать свое существование в глазах 130 миллионов подданных, может быть, оно сделает это, доказав им, что только царю-самодержцу по плечу выдержать эту поистине императорскую роль.¹⁹

С другой стороны, Леруа-Болье окончательно уверился в том, что Россия в своем развитии следует тем же путем, что и страны «старой Европы», а значит, неизбежно придет к политическим свободам, мирным или революционным образом, и «самый верный способ предотвратить революцию — это ее опередить». Он еще надеялся, что стране благодаря «искусству и везению династии» удастся избежать потрясений, но уже с тревогой задавался вопросом, не перешла ли Россия Николая II той черты, за которой революция неизбежна, не относятся ли необходимые ей преобразования к тем слишком глубоким изменениям, которые просто не могут совершаться мирным путем²⁰.

В любом случае, Леруа-Болье считал, что только с помощью неотложных и продуманных реформ правительству удастся отсрочить вопрос о национальном представительстве и при этом избежать революции. Самодержавие оказалось не способно на такую политику. Все обещания преобразований носили расплывчатый характер и большей частью так и остались обещаниями. Вместо этого «режим Сипягина и Плеве» до предела усилил давление на общество, спровоцировав естественную негативную реакцию²¹. В этих условиях российское правительство совершило, как полагал Леруа-Болье, роковую ошибку, вступив в войну с Японией.

Отношение Леруа-Болье к русской революции 1905 г. было неоднозначным, его можно охарактеризовать как смесь опасений и надежд. С одной стороны, он считал эволюционный путь развития наилучшим для любого общества. Кроме того, полагая, что политический режим России нуждается в реформах, Леруа-Болье не ставил знака равенства между самодержавием

18. *Séance d'ouverture de l'École Russe des hautes études sociales. Discours de M. Anatole Leroy-Beaulieu*, P., 1903, p. 8.

19. Leroy-Beaulieu, *L'Empire des Tsars...*, p. 455.

20. *Ibid.*, p. 889.

21. A. Leroy-Beaulieu, «Les causes de l'agitation en Russie», *Revue politique et littéraire (Revue bleue)*, 11.02.1905, p. 165-167.

и монархией. Монархия, по его мнению, долгое время была единственным двигателем русской истории. Поэтому падение «династии и трона», традиционного авторитета, которому на тот момент не было альтернативы, могло «привести к анархии и хаосу», из которых после окончания периода волнений вышли бы «реакция и диктатура»²².

С другой стороны, победа в войне и быстрое подавление революционного движения, скорее всего, законсервировали бы страну в политическом отношении, что в будущем могло обернуться еще более ужасными потрясениями.

В результате этих двояких опасений, Леруа-Болье с начала 1905 г. пытался доказать в своих статьях, что наилучшим выходом для России, в том числе для ее правительства и монарха, станет принятие конституции, дарование политических свобод и созыв народного представительства. Следствием этого, по убеждению Леруа-Болье, было бы скорейшее заключение мира, поскольку война для значительной части русского общества, как он пытался убедить французских читателей, была уже прежде всего вопросом внутренних перемен и в гораздо меньшей степени проблемой внешней политики и государственного престижа²³. Самодержавие не хотело отступать добровольно, оставалось надеяться, что оно сделает это под двойным давлением войны и революции²⁴.

Расстрел рабочей депутации во главе с Гапоном 9 (22) января 1905 г. вызвал у Леруа-Болье не только возмущение, но и огромную тревогу. Еще в 80-х гг. XIX в. он писал, что все здание Российской империи в социальном и политическом отношении держится в первую очередь на связи монарха с народом, точнее, на вере народа в царя. Поэтому событие, вошедшее в историю как «кровавое воскресенье», было в глазах Леруа-Болье не просто актом террора в ответ на мирное выражение законных и справедливых, по его мнению, требований. Оно «нанесло удар, быть может, смертельный, моральному авторитету царя и традиционному престижу царизма. В России что-то разрушилось, вековая связь народа с монархом. Николай II бессознательно предоставил оружие своим врагам <...>»²⁵.

Леруа-Болье был убежден, что русскую революцию невозможно подавить только с помощью террора. Нужно было «нравственное лекарство». Определенные надежды вызывала возможность созыва народного представительства, где монарх и подданные могли бы встретиться лицом к лицу. Возрожденное доверие и совместная работа могли бы стать альтернативой уходящей патриархальной традиции, основой разработки и гарантией осуществления необходимых стране реформ.

22. Leroy-Beaulieu, «En Russie : la Douma...», 21.06.1906, p. 72.

23. A. Leroy-Beaulieu, «Entre deux rives: La Russie devant la troisième Douma», *Revue des Deux Mondes*, 15.09.1907, p. 364.

24. A. Leroy-Beaulieu, «Pour les Russes: le chemin de la paix», *Revue des Deux Mondes*, 15.01.1905, p. 145-150 ; *Idem*, «Les causes de l'agitation...» ; *Idem*, «Entre la guerre et les bombes», *Revue politique et littéraire (Revue bleue)*, 4.03.1905, p. 258-260.

25. *Courrier Européen*, 27.01.1905, цит. по Michon, *L'alliance franco-russe...*, p. 116-117 ; Leroy-Beaulieu «Les causes de l'agitation...», p. 167.

Кроме того, Леруа-Болье считал необходимым уступить требованиям образованных слоев общества, как радикально настроенных, так и умеренных. Запрещение легальной политической борьбы провоцировал революционный террор, опасность которого для монархии, по мнению французского наблюдателя, только возрастала. В 1881 г. террористам удалось «убить самодержца, но самодержавие выжило». Но тогда Россия была иной. За четверть века в империи появились два новых класса, буржуазия и пролетариат, которые, как хорошо знал Леруа-Болье на примере западных революций, являлись их «первичным материалом». И до, и даже после убийства Александра II откликнуться на призывы революционной интеллигенции было практически некому ни в деревне, ни, что важно в начале революции, в столицах. Теперь Петербург и Москва, как и ряд других городов России, представляли собой крупные промышленные центры, а рабочий класс быстро усваивал требования и стремления своих западных коллег. Французский публицист подразумевал, что если император станет жертвой террористов, то следствием, скорее всего, будет падение династии²⁶.

Образно говоря, в политических требованиях образованных слоев общества Леруа-Болье видел «запал» революции, в то время как социальные проблемы, рабочий и аграрный вопросы были ее «горючим материалом». Несмотря на забастовки в городах и пылающие помещичьи усадьбы, он допускал, что ход событий еще можно преломить, удовлетворив эти требования.

Леруа-Болье надеялся, что результатом созыва народного представительства станет союз власти и российских либералов. Силы, которые по своей социальной природе могли стать опорой власти, в России оказывались участниками революционного процесса из-за невозможности участвовать в управлении страной. Леруа-Болье надеялся, что примирение правительства и либеральной оппозиции позволит удержать революцию «в русле конституции», уберечь от крайностей анархии, с одной стороны, и реакции – с другой.

Исходя из сказанного, можно предположить, что Леруа-Болье, уподобившись неопытным российским либералам, отчасти впал в «парламентаристские» иллюзии. Это было довольно странно для человека, еще в 80-е гг. XIX в. предупреждавшего, что народное представительство – не панацея, а точка отсчета нового для страны пути, на котором ее могут ожидать новые проблемы. Однако Леруа-Болье не закрывал глаза на те реальные условия, в которых рождались российские учреждения народного представительства.

Для монарха пиетет перед традициями, долг перед династией, личный консерватизм были выше соображений реальной политики, как ее понимал европейский обозреватель. Комментируя проект Булыгинской думы, «квазиконституцию», Леруа-Болье отмечал, что в революционную эпоху слова, смысл которых далеко не всем понятен и для многих различен, имеют не меньшее значение, чем сущность. Но у него складывалось впечатление, что Николаю II произнести слово «конституция» и отказаться от титула «самодержец» страшнее, чем реально поступиться частью неограниченной власти:

26. Leroy-Beaulieu, «Entre la guerre ...», p. 259-260.

Решительный и прозорливый государь, без сомнения, действовал бы наоборот; пожертвовав формой ради сути, он попытался бы сохранить или восстановить императорскую власть, выставляя напоказ символ конституции.²⁷

Однако Леруа-Болье был далек от того, чтобы во всем винить Николая II, поскольку полагал, что монарх, особенно столь неуверенный в себе и поддающийся чужому влиянию, менее чем кто-либо в России осведомлен о нуждах народа и о стремлениях общества. Между тем, вся тяжесть ответственности ложилась именно на «хрупкие плечи» государя. Его неготовность идти навстречу требованиям нации Леруа-Болье объяснял в том числе робостью, нежеланием «подражать Людовику XVI, из опасения повторить его судьбу».

От прямого контакта представителей народа с монархом, как полагал француз, пострадал бы прежде всего не император, а его окружение и бюрократия, «истинный самодержец всероссийский». Леруа-Болье был убежден, что даже если Николай II искренне решит поступиться частью своей власти, бюрократия, местная администрация, полиция сделают все, чтобы дискредитировать идею народного представительства и ее носителей еще до начала работы новых учреждений, несмотря на то, что такая позиция будет способствовать продолжению и усугублению беспорядков в стране²⁸.

Проект Булыгинской думы разочаровал не только убежденных революционеров, но и либералов. Леруа-Болье полагал, что Манифест 17 октября 1905 г. был бы воспринят иначе, если бы ему не предшествовала эта полумера, воспринятая как «надувательство»²⁹. Господствующим настроением в ноябре 1905 г. Леруа-Болье считал «всеобщее недоверие». Лучше всего это иллюстрировалось положением правительства С.Ю. Витте, «временного и лишённого всякого морального авторитета». Для революционеров и даже для либеральных лидеров, не желающих войти в его министерство, разработчик и инициатор принятия Манифеста был по-прежнему представителем «старого порядка»; для двора – олицетворением ненавистных ему перемен³⁰.

Таким образом, можно согласиться с Ковалевским, что Леруа-Болье, хотя и «увлеченный счастливым поворотом в наших государственных порядках»,

27. *Journal des débats*, 19.11.1905, p. 1.

28. Там же; Leroy-Beaulieu, «Entre la guerre...», p. 258. По мнению Э. Альзона, точка зрения Леруа-Болье в этом вопросе наглядно иллюстрировала различие позиций умеренных и радикальных представителей французского общественного мнения. Ни один из его представителей не встал на защиту российской бюрократии. Однако умеренные, в отличие от социалистов и анархистов, не склонны были возлагать всю ответственность за бедствия страны и народа на монарха, обвиняя его не в злонамеренных действиях, а лишь в слабости, зависимости от своего окружения и невежестве в отношении России, ее положения и нужд. См.: Alzona, *Some French contemporary opinions...*, p. 37-40.

29. Безусловно, у исследователей были основания отмечать, что манифест 17 октября 1905 г. представлялся Леруа-Болье недостаточным и не вполне продуманным документом. Однако термин «квази-конституция» в его статьях все же относится не к манифесту 17 октября, как утверждала Э. Альзона, а к проекту Булыгинской думы. Тем более вряд ли можно согласиться с Ж. Нива, что манифест с точки зрения Леруа-Болье был принят излишне поспешно. См.: Alzona, *Some French contemporary opinions...*, p. 89; Нива «Ясная прозрачность...», с. 101.

30. *Journal des débats*, 19.11.1905, p. 1.

все же в значительной степени сохранил присущие ему умеренность и трезвость взглядов:

Не разделяя иллюзий, охвативших в 1904-1905 году нашу печать, и сочувствуя в то же время ее стремлениям, насколько они клонились к насаждению в нашем отечестве принципов европейской демократии, он для многих из нас <...> играл роль благоразумного и благожелательного советника, одновременно спасительного тормоза и парового двигателя, готового сегодня сказать: «не увлекайтесь», а завтра: «не теряйте надежды и не бросайте начатого».³¹

Тем не менее, «императорский манифест 17 октября [1905 г.] обещал России конституционный режим...». И, несмотря на его расплывчатость, это пробудило в Леруа-Болье надежды не только на новое будущее России, но и на прекращение революции, когда эти обещания будут реализованы. Он писал В.И. Герье 26 февраля 1906 г.:

Самым важным в настоящее время мне представляется собрание Думы, каким бы ни был ее состав <...> Я горячо желаю, чтобы Россия вышла наконец из всех этих потрясений и чтобы, обретя внутренний порядок и немного свободы, она заняла свое место в Европе.³²

Определенная двойственность сквозит и в отзывах Леруа-Болье об открытии I Государственной думы. В 1912 г., незадолго до смерти, он писал П.Е. Щеголеву: «Я не забыл мою встречу с вами во время торжественного открытия I Думы. Сколько надежд, которые, увы, не осуществились, возникают в памяти с этим воспоминанием.»³³ Однако в статье, вышедшей осенью 1907 г., Леруа-Болье отмечал: «С этого первого дня, еще до ее первого заседания, судьба первой Государственной думы, может быть, уже была решена; очутившись на огромной площади Зимнего дворца перед гвардейскими эскадронами, не один наблюдатель спрашивал себя, когда последует роспуск».

Стоявшие справа от трона в Георгиевском зале Зимнего дворца высшие сановники империи, генералитет, члены Государственного совета, сверкающие золотом мундиров, и находящиеся слева от него депутаты Думы, в большинстве своем в повседневном платье, казались французу воплощением двух «противостоящих друг другу России, старой и новой, России официальной и России народной, которые смотрели друг на друга <...> и не доверяли друг другу». Причем вторая часть собрания демонстрировала больше чувства собственного достоинства и гордости. В ответ на «невнятную» речь Николая II слева не раздалось криков «ура», и почти никто не склонился перед императором, покидающим залу. Не стали исключением и крестьянские депутаты³⁴.

31. Ковалевский, «Анатоль Леруа-Болье».

32. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки – ОР РГБ, фонд 70 Герье, к. 47, д. 81 А. Леруа-Болье – В.И. Герье 29 февраля 1906 г., л. 10-10 об. франц. яз.

33. ИРЛИ РАН, ф. 627 Собрание П.Е. Щеголева, оп. 2, ед. хр. 54, л. 1 А. Леруа-Болье – П.Е. Щеголеву 2 июня 1912 г. франц. яз.

34. Leroy-Beaulieu, «En Russie: la Douma...», 21.06.1906, p. 65-68; *Idem*, «Entre deux rives...», p. 365-366.

На основании анализа статей Леруа-Болье можно утверждать, что он был сторонником конституционной монархии в России, введения свободы совести, слова, печати, собраний, равенства граждан без различия национальности и вероисповедания. Всеобщее избирательное право он считал для России преждевременным. Непрямые цензовые выборы французский публицист рассматривал как оправданную меру для переходного периода, но отмечал излишнюю сложность российской избирательной системы³⁵. Кроме того, Леруа-Болье еще до выборов в I Думу пришел к выводу, что правительство Витте совершило ошибку, при разработке избирательного закона сделав ставку на крестьянство как на лояльную и пассивную часть населения. По его мнению, необходим был не столько сословный, сколько образовательный ценз³⁶.

Основным критерием оценки событий для Леруа-Болье была необходимость союза российских либералов и власти. Исходя из него, он оценивал деятельность политических партий и фракций, позицию правительства, работу Думы.

Специального анализа партийных программ Леруа-Болье не предпринимал. Его письма печатались в газете «Страна», которую издавал неформальный лидер Партии демократических реформ Ковалевский. В то же время Леруа-Болье писал октябристу Герье:

Программа Партии 17 октября кажется мне очень хорошей. Но с моей, француза, стороны было бы дерзостью брать на себя право судить, что возможно делать в вашей стране. Однако в этой программе существует один пункт, о котором я сожалею – это отказ от всякой, даже административной автономии для Привислинской Польши.³⁷

Леруа-Болье характеризовал октябристов как «консерваторов различного происхождения, объединенных общим желанием воплотить в жизнь хартию 17 октября». Либералами по преимуществу он считал кадетов. Однако обе партии являлись в его глазах «истинно конституционными». Складыванию блоков между ними, то есть объединению либеральных сил России, по мнению Леруа-Болье, препятствовал не столько «барьер идей и принципов», сколько «вражда, предрассудки и неприязнь»³⁸.

Кадетскую партию, лидирующую в первых двух Думах, Леруа-Болье воспринимал как элиту страны. Однако она, по его мнению, переоценила свои силы, изначально предъявила завышенные требования к власти. Для него она по сути своей не была революционной партией, но, сложившись в результате революции, слишком поддалась ее «лихорадке», создав у власти превратное мнение о себе. В 1906 г., в ходе выборов в I Думу, Леруа-Болье отмечал, что

35. Там же, с. 389; A. Leroy-Beaulieu, «Préface», in P. Chasles, *Le Parlement russe: son organisation, ses rapports avec l'Empereur*, P., 1910, p. X.

36. *Journal des débats*, 19.11.1905, p. 1; 7.06.1906, p. 1.

37. ОР РГБ, фонд 70 Герье, к. 47, д. 81 А. Леруа-Болье – В.И. Герье 29 февраля 1906 г., л. 10-10 об., франц. яз

38. Leroy-Beaulieu, «Entre deux rives...», p. 396-399.

правительство воспринимает эту партию как «якобинский клуб», что, учитывая ее популярность, в дальнейшем может привести к осложнениям.

Леруа-Болье признавал, что депутаты I Думы явились «к подножию трона» не просителями, а «судьями и мстителями», надеясь на смену власти, установление ответственного министерства. Он говорил о I Думе, прежде всего имея в виду ее кадетское большинство: «Она забыла, что если она обладает моральной силой, у нее нет силы материальной, и что материальная сила может не перейти на ее сторону». Становление настоящего парламентского режима, по мнению француза, было возможно для России только постепенно³⁹. Таким образом, М. Раев справедливо отмечал, что кадеты, с точки зрения Леруа-Болье, слишком спешили, требуя «немедленного введения парламентаризма и безотлагательного решения всех социальных проблем»⁴⁰.

Тем не менее, основную вину за бесплодность работы I Думы Леруа-Болье все же возлагал на правительство, которое не предоставило ей ни одного законопроекта в надежде, что бессилие Думы дискредитирует ее. По мнению Леруа-Болье, отсутствие со стороны власти попыток к сотрудничеству, витавшая над Думой угроза роспуска настраивали депутатов еще более радикально, заставляя использовать думскую трибуну для изложения платформы для будущих выборов.

Требования амнистии, административной реформы, радикальные проекты решения аграрного вопроса – все то, что было неприемлемо для правительства, Леруа-Болье считал естественным и оправданным. Для западных читателей французский публицист подчеркивал, что сильно отличающийся от аналогичных документов западноевропейских парламентов думский адрес – это «призыв к народу в той же степени, что и ответ царю», демонстрация верности народных избранников тем, кто за них голосовал, и готовности защищать интересы народа. Думе было тем более необходимо дать такие доказательства, чем враждебнее к ней относилось правительство, чтобы найти в своих избирателях опору и защиту. Требование политической амнистии было данью тем, благодаря чьим усилиям стало возможно учреждение Думы, а также объяснялось стремлением депутатов получить гарантии собственной безопасности. Без административной реформы Дума обречена была остаться декорацией, бессильной реально влиять на жизнь страны. Леруа-Болье понимал, что многие из претензий Думы неприемлемы, но отказ правительства даже рассмотреть их считал неверной позицией. От вероятного роспуска Думы он ожидал не прекращения, а усиления революции⁴¹.

Главная же ошибка, которую, по мнению Леруа-Болье, совершила I Дума, точнее, значительная часть ее депутатов, в тех условиях, в которые они были поставлены — это «посмертная ошибка», Выборгское воззвание: «Это была одна из тех крайностей, которые, даже в годы революции, настоящие политики провоцируют только тогда, когда они уверены, что за ними после-

39. Leroy-Beaulieu, «La Russie et l'Europe», p. 265-267.

40. Raeff, «Introduction», p. LXII.

41. *Journal des débats*, 7.06.1906, p. 1.

дуют». Обвинение правительства в государственном перевороте (что не соответствовало действительности) и призыв к гражданскому неповиновению в огромной стране с неразвитой общественной жизнью, когда основная масса населения еще не имела представления о правах Думы, не могли иметь успеха. Единственным результатом этого демарша, по мнению Леруа-Болье, было то, что самые талантливые и авторитетные представители умеренной оппозиции лишились права быть переизбранными⁴². Впрочем, эта ошибка, как считал Леруа-Болье, не пошла на пользу и правительству.

Взрыв 12 августа 1906 г. дачи премьера Столыпина на Аптекарском острове Леруа-Болье воспринял в моральном отношении как трагедию, но в политическом – как прямое следствие разгона I Государственной думы и возвращения к практике полицейского террора: «Закрыв Думу, уничтожив оппозиционные газеты, объявив вне закона своих противников, правительство запретило почву для легальной борьбы; тем самым оно отбросило страну к заговорам и покушениям». Леруа-Болье считал, что какую бы либеральную программу ни предложил Столыпин, это не компенсирует его методов, потому что нельзя установить порядок средствами произвола. Единственный выход француз видел в скорейшем созыве новой Думы, опасаясь, как бы в случае задержки «советникам царя не пришлось оплакивать более многочисленные и, может быть, более августейшие жертвы!»⁴³

Позднее, встретившись со Столыпиным, Леруа-Болье отмечал его искренность, «лояльность», «ум и энергию», крайнюю сложность ситуации, в которой ему приходилось действовать. Француз понимал желание министра «победить революцию». Однако Леруа-Болье полагал, что его желание «победить ее без либеральных партий» было ошибкой. (Октябристы, «либеральные консерваторы», по мнению Леруа-Болье, даже в сравнении с кадетами были «слишком оторваны от народных масс, чтобы иметь на них какое-то влияние»). Этот упрек относился к тому, что весь небольшой, по французским меркам, но все же действенный административный ресурс во второй избирательной кампании был направлен главным образом против кадетов. В результате на смену первой, самой демократической по составу в мире, но относительно единой ассамблее пришла еще более левая.

Как утверждал Леруа-Болье, «некоторые министры», с которыми он «имел честь встречаться», дали ему понять, что эта политика была следствием восприятия кадетской партии как единственной, способной добиться власти: «Кадеты опасны, говорили мне, потому что они умны, потому что они элита, потому что они могли бы управлять; а социалисты – нет, потому что они не способны взять правительство». Леруа-Болье не разделял этой точки зрения. Опасным для будущего России ему представлялось распространение «социалистических и коллективистских» идей «в массах городов и деревень»⁴⁴.

42. Leroy-Beaulieu, «Entre deux rives...», p. 367-368.

43. *Temps*, 29.08.1906; *Courrier Européen*, 31.08.1906 ; Цит.по: Michon, *L'alliance franco-russe...*, p. 141-142.

44. Leroy-Beaulieu, «La Russie et l'Europe», p. 269-272.

Ко II Думе Леруа-Болье относился гораздо более критически, ставя ей в вину и пропаганду революции, и стремление как крайне левых, революционных депутатов, так и крайне правых, дискредитировать саму идею народного представительства.

И тем не менее, по его мнению, «было бы ошибкой или несправедливостью представлять одну или другую из двух первых Дум как более шумную, более страстную или более грубую, чем большинство ассамблей других европейских государств». Как отмечал Леруа-Болье, в Париже, Вене, Будапеште и даже Вестминстере разыгрывались сцены, сильнее позорящие «современные парламентские нравы». Высокую его оценку получила деятельность обоих председателей, С.А. Муромцева и Ф.А. Головина⁴⁵.

Отмечая, что на Западе господствует точка зрения, будто первые неудачи русского народного представительства обусловлены тем, что страна обрела его слишком рано, Леруа-Болье выражал свое несогласие с ней. По его мнению, все обстоит наоборот. То, что должно было произойти как естественное продолжение реформ Александра II, мирным путем, стало результатом военного поражения и народного возмущения, что предопределило противостояние власти и представителей нации⁴⁶. Таким образом, в результате событий первой русской революции француз отверг свои колебания 1890-х гг. и вернулся к убеждению, что наилучшим для России развитием событий было бы дарование сверху народного представительства в 70-х гг. XIX века.

И тем не менее, именно в ходе работы II Думы он заявлял своим соотечественникам: «... Конституционная Россия не кажется мне невозможной». Вероятность роспуска Думы изначально была очень велика, причем эта мера сама по себе представлялась бессмысленной. Однако, предвидя возможность государственного переворота, Леруа-Болье был почти уверен, что в результате будет принят новый избирательный закон и созвана новая Дума. В ходе последнего визита в Россию весной 1907 г. у Леруа-Болье сложилось впечатление, что, с одной стороны, глава правительства и большинство его членов, даже самых консервативных, пришли к выводу, что восстановление самодержавия возможно в лучшем случае на два-три года, и потому надо приспособиться к управлению с народным представительством. С другой стороны, большая часть либералов, как полагал француз, смирилась с тем, что Россия будет идти к настоящему парламентскому режиму «шаг за шагом»⁴⁷.

Союз власти и либеральных сил, не сложившийся в ходе революции, казалось, еще был возможен в будущем.

Желать его Леруа-Болье заставляли не только добрые чувства по отношению к России, но и патриотические соображения. В связи с темой революции 1905-1907 гг. в работах Леруа-Болье нельзя не затронуть проблему русско-французских отношений. Цель первого путешествия Леруа-Болье в Россию после франко-прусской войны заключалась в том, чтобы оценить ее

45. Leroy-Beaulieu, «Entre deux rives...», p. 368-370.

46. Там же, p. 361-362, 364.

47. Leroy-Beaulieu, «La Russie et l'Europe», p. 283-275.

как возможного союзника потерпевшей поражение Франции. Он изначально выступал за дружбу и сотрудничество между двумя странами, но не сразу пришел к убеждению в необходимости формального союза между ними. Однако с начала 1890-х гг. Леруа-Болье становится сторонником официального русско-французского сближения⁴⁸.

Поражение в русско-японской войне и революционные события сделали Россию в глазах многих французов менее выгодным союзником. Но Леруа-Болье полагал, что этот альянс по-прежнему нужен Франции. В историографии существует другая точка зрения⁴⁹, однако тот факт, что Леруа-Болье в 1906 г. выступал против предоставления императорскому правительству новых займов до созыва народного представительства, не означает, что он, подобно Ж. Жоресу или А. Франсу, был последовательным противником российской монархии и заключенного с ней союза. Леруа-Болье полагал, что таким образом способствует политическому освобождению России, оказывает поддержку ее либеральным кругам, побуждая самодержавие к политическим реформам⁵⁰. Но, как представляется, прежде всего он заботился об экономическом благополучии своей страны и о деньгах французских вкладчиков, опасаясь, что «новые займы, выпущенные императорским правительством, однажды не будут признаны нацией»⁵¹.

Тем не менее, в ходе революции и после нее Леруа-Болье неоднократно подчеркивал союзнические отношения двух держав. Неудачная война и революция ослабили Россию, но одновременно заставили ее проводить более сдержанную внешнюю политику. Целью министра иностранных дел А.П. Извольского, с которым Леруа-Болье встречался весной 1907 г., стало достижение соглашений о разграничении интересов России с Великобританией и Японией. Поскольку Франция уже имела соглашения с этими государствами, Леруа-Болье воспринял такую политику с удовлетворением. В мае 1907 г., еще до заключения русско-английской конвенции 18 (31) августа, он заявлял, что опасения, будто франко-английский и франко-русский союзы ослабят друг друга, более недействительны, напротив: «Отказ от этого [русско-французского – К.Ц.] союза не усилил бы нас, а сделал бы согласие с нами для других наций менее желательным, потому что менее выгодным»⁵².

Выступая на протяжении всей жизни за толерантную национальную и религиозную политику как во Франции, так и в России, Леруа-Болье уделял внимание этой проблеме и в годы первой русской революции. Он продолжал отстаивать свою точку зрения на еврейский вопрос, в том числе и в российской печати, доказывая, что единственно возможное его решение в любом

48. К.А. Цыкова, «Проблема русско-французского союза в работах Анатолия Леруа-Болье», *Вестник Московского университета*, серия 8 (История), 2003, № 6. с. 106-138.

49. Michon, *L'alliance franco-russe*...

50. В.Н. Наумов, *Великая Октябрьская социалистическая революция*..., с. 39-40.

51. *Courrier Européen*, 28.07.1905. Цит.по: Michon, *L'alliance franco-russe*..., p. 132.

52. Leroy-Beaulieu, «La Russie et l'Europe», p. 278-280.

государстве, в России или во Франции – полное уравнивание евреев в правах с остальным населением⁵³.

С проблемой русско-французского союза была связана для Леруа-Болье политика российского правительства в польском вопросе. Он рассматривал Германию как общего врага России, Польши и Франции. Он призывал славянские народы к примирению, надеясь на то, что российская сторона решится предоставить Царству Польскому широкую автономию, а польская удовлетворится ею. Надежду на это, по его мнению, внушала тактика в I и II Думах польского коло, которым руководил лидер польской национально-демократической партии Р. Дмовский. Выгоду для Франции Леруа-Болье видел в том, что Россия, обеспечив спокойствие своей западной границы, освободится от фактора, который заставлял Петербург считаться с мнением Берлина⁵⁴.

Интересы союза, наряду с личными политическими убеждениями, заставляли Леруа-Болье желать примирения российского правительства и умеренных, либеральных кругов общества. Крайне правые силы, по его мнению, рассматривали республиканскую Францию как родину революций и стремились к династическим союзам, прежде всего с Германией. Крайне левые не простили Франции финансовой поддержки царизма, кроме того, как полагал Леруа-Болье, «сам их триумф сделал бы Россию бессильной, и, как следствие, союз бесполезным»⁵⁵.

Главной проблемой, придававшей революции 1905 г. социальный характер, Леруа-Болье справедливо называл вопрос о земле, напоминая западноевропейским читателям, что Россия остается на три четверти аграрной страной. Однако в период революции Леруа-Болье подчеркивал прежде всего его политическую составляющую. По мнению французского наблюдателя, условия первого избирательного закона, сделавшие мужика «арбитром партий», не только осложнили взаимоотношения между правительством и Думой, но и обострили сам аграрный вопрос, пробудив в крестьянстве новые надежды и позволив ему осознать свою силу и значимость⁵⁶.

Как представляется, сам Леруа-Болье не видел приемлемого решения этой проблемы. Еще в 70-80-х гг. XIX в. он, анализируя условия отмены крепостного права, писал о бессознательном аграрном социализме русской сельской общины с ее обычаем переделов земли и отсутствием института частной собственности. Единственное, что, по его мнению, удерживало крестьянство от захвата помещичьих земель, помимо его долготерпения, это авторитет патриархальной власти монарха. Тогда Леруа-Болье тоже указывал на преданность народа царю как на фактор, который позволил бы, даже при отсутствии значительного слоя буржуазии, «третьего сословия», рассчитывать на лояль-

53. «Голос из Франции», *Страна*, 23.03 (5.04), 1906, № 28; «Голос француза о русских делах», *Страна*, 1(14).01.1907, № 1; Ковалевский, «Анатоль Леруа-Болье».

54. Leroy-Beaulieu, «Entre deux rives...», p. 378-387; *Idem*, «Préface», R. Dmowski, *La Question polonaise*, P., 1909, p. V-XVIII.

55. Leroy-Beaulieu, «La Russie et l'Europe», p. 276-278.

56. *Journal des débats*, 19.11.1905, p. 1; 7.06.1906, p. 1.

ность гипотетического народного представительства. Однако Леруа-Болье констатировал, что условия освобождения, с одной стороны, не отвечали представлениям российского крестьянства о воле, а с другой, самой своей формой императорского указа поколебали и без того расплывчатые в России представления о собственности. Крестьяне не прекращали ждать от царя-батюшки решения земельного вопроса в их пользу. Поэтому Леруа-Болье не исключал, что сохранение помещичьего землевладения и революционная пропаганда могут в перспективе стать причинами социального конфликта, который обернется против верховной власти, когда она будет не в силах оправдать ожидания крестьянства.

В годы первой русской революции кризис, вызванный демографическим ростом и, как следствие, дефицитом общинных земель, совпал с падением авторитета царской власти.

Накануне и в ходе работы I Государственной думы Леруа-Болье полагал, что необходимо искать решение вопроса о земле, которое хотя бы частично удовлетворило требования крестьянства. Игнорировать проблему земли значило провоцировать «жакерию», и не локальную, а уже всеобщую, которую невозможно будет подавить с помощью состоящей из крестьян армии.

Леруа-Болье был сторонником частной собственности. Он мог согласиться с необходимостью ее отчуждения ввиду чрезвычайных обстоятельств, но идея экспроприации помещичьей земли без компенсации была для него неприемлема, исходила ли она от крестьянских депутатов, от революционных партий или от Льва Толстого. Кадетская программа, по мнению Леруа-Болье, представляла собой поиски компромисса, который «защитил бы интересы помещиков, в то же время дав некоторое удовлетворение крестьянам». Реформа 1861 г. была для Леруа-Болье примером такого компромисса, но вопрос заключался в том, остались ли в России возможности для нового. Для правительства кадетская программа была слишком революционной. По мнению Леруа-Болье, прежде всего партией руководило опасение потерять голоса избирателей, но, кроме того, многие кадеты приняли ее из опасения, что иначе вопрос будет решен еще более радикально.

Однако предложение частичной или полной экспроприации помещичьих земель с компенсацией владельцам вызывало вопрос, кто и в какой форме будет ее платить. Кроме того, Леруа-Болье опасался, что это приведет к резкому падению уровня сельскохозяйственной культуры в стране, и желание кадетов сохранить образцовые помещичьи хозяйства представлялось ему очень обоснованным. Он писал, что значительная часть крестьянства не имеет средств для обработки земли. Поэтому прежде чем обеспечить его землей, следует дать ему «средства материальные и интеллектуальные», то есть знания и кредит. Однако самих крестьян эти препятствия, казалось, волновали мало. Леруа-Болье предполагал, что в результате даже частичного удовлетворения их требований «Россия переживет экономический кризис». Однако политическая обстановка, как он считал, требовала этой жертвы, и отсутс-

твие согласия по этой проблеме между Думой и правительством вызывало его беспокойство.

Весной 1907 г., когда накал борьбы несколько утих, когда сложилось впечатление, что армия вновь лояльна правительству, Леруа-Болье гораздо спокойнее отмечал, что только будущее покажет, «сумеет ли Россия избежать новых аграрных законов...»⁵⁷.

Находящиеся в моем распоряжении источники не позволяют охарактеризовать отношение французского наблюдателя к мерам, получившим название столыпинской реформы⁵⁸. Если в начале 1880-х гг. Леруа-Болье полагал, что судьба общины должна решиться без вмешательства государства, то позднее она искусственно укреплялась, и в статьях 1897 и 1903 гг. он писал, что община, прикрепляя крестьянина-отходника к земле и заставляя его платить с нее налоги, мешает нормальному развитию и профессиональному прогрессу российского рабочего класса⁵⁹. По его мнению, в связи с этим государству стоило облегчить крестьянину выход из общины. Однако Леруа-Болье не призывал к ее полному уничтожению, по-прежнему полагая, что с вековыми институтами надо обходиться осторожно. В сельскохозяйственном освоении новых земель, во внутренней миграции крестьянства он еще в 1880-е видел один из путей решения проблемы малоземелья, и отмечал, что правительство должно взять на себя организацию этого процесса⁶⁰. Другое дело, что в годы революции Леруа-Болье мог счесть эти меры недостаточными, не способными отвлечь крестьянство от стремления захватить помещичьи земли и решить две важнейшие задачи, которые ставил Столыпин – обеспечить процветание российской деревни и сделать крестьянина собственником, на которого сможет опереться монархия.

Каковы же были в глазах Леруа-Болье итоги революции, рубежом которой традиционно считается государственный переворот 3 июня 1907 г.? Социальные и национальные ограничения нового закона о выборах представлялись ему слишком жесткими. Кроме того, его беспокоило растущее влияние крайне правых и националистов и тот факт, что Столыпин вынужден был считаться с ними, поскольку был не в силах бороться на два фронта и с крайне правыми, и с крайне левыми. Для этого ему нужна была бы независимость от настроений двора и «умеренная партия, достаточно верная и сильная, чтобы защитить его от всех интриг», но ни того, ни другого не было.

57. Leroy-Beaulieu, «En Russie: la Douma...», 21.06.1906, p. 70-72; *Idem*, «La Russie et l'Europe», p. 270-271.

58. Аргументы Ж. Нива в пользу точки зрения, что Леруа-Болье отнесся к столыпинской реформе критически, не подтверждаются ссылками на какую-либо его работу. См.: Нива, «Ясная прозрачность ...», с. 101. Мнение М. Раева представляется более обоснованным: «Леруа-Болье приветствует меры, принятые Столыпиным после 1906 г., имеющие целью расшатать господство мира». См.: Raeff, «Introduction», p. LIX.

59. A. Leroy-Beaulieu, «Les transformations sociales de la Russie contemporaine», in *Russie 1837-1937 : Les Trésors retrouvés de la Revue des Deux Mondes*, P., 1997.; *Idem*, «Le Manifeste de l'empereur Nicolas II et les réformes en Russie», *Revue*, 1.04.1903.

60. Leroy-Beaulieu, «Les transformations sociales de la Russie contemporaine», p. 181-201 ; *Idem*, *L'Empire des Tsars et les Russes*, p. 437-455.

Однако в целом французский публицист воспринял это событие относительно спокойно. Ссылаясь на историю народных представительств других стран, Леруа-Болье указывал, что государственные перевороты и на более поздних этапах не были редкостью. Такая его позиция не столь удивительна, как может показаться на первый взгляд. Революция закончилась, но два института, которые Леруа-Болье считал жизненно необходимыми для России – монархия и Государственная дума – пережили ее. Этот рубеж Леруа-Болье рассматривал не как «конец недоделанной революции», а как «начало долгой эволюции, которая еще может совершиться без катастроф, без резкого разрыва между прошлым и будущим...».

Накануне выборов в III Думу, анализируя возможные результаты, как наиболее вероятный вариант Леруа-Болье рассматривал формирование октябристского центра и оттеснение кадетов на левый фланг. Такая расстановка сил, как он полагал, могла способствовать сохранению Государственной думы и постепенному упрочению ее положения, поскольку наиболее важной задачей представлялось, «чтобы императорское правительство привыкло жить и управлять с выборной палатой»⁶¹.

В 1910 г., подводя итоги революции и первых лет существования третьей монархии, Леруа-Болье подчеркивал, что Государственная дума и Государственный совет, несмотря на «безответственность» перед ними правительства и многие другие ограничения, являются парламентом, а Россия – конституционным государством. Но при этом, она, безусловно, не являлась государством парламентским, поскольку этот термин подразумевал равенство законодательной и исполнительной власти или «преобладание парламента».

III Дума, умеренная и лояльная, в целом, и октябристы в частности, оправдали надежды Леруа-Болье в том, что касалось непосредственно судьбы народного представительства. По его убеждению, несмотря на то, что факт существования в России парламента периодически оспаривался или подвергался сомнению, «официальная Россия, и не только нация, но и высшая власть, царь, династия, министры, бюрократия» постепенно привыкали к конституционному режиму.

Леруа-Болье не был согласен с точкой зрения, что такой парламент является вещь бесполезной, а революция 1905-1907 гг. оказалась бесплодной. Безусловно, в ходе революционных событий он ожидал большего и испытал определенное разочарование. Но, признавая небольшое значение Думы в настоящей жизни России, француз все равно считал, что она представляет собой «живой росток политической эволюции и необходимый инструмент социальной реформы», способный, как он надеялся, в будущем постепенно и мирно решить стоящие перед страной проблемы⁶².

61. Leroy-Beaulieu, «Entre deux rives...».

62. Leroy-Beaulieu, «Préface», in Chasles, *Le Parlement russe...*, p. VI-XV.

В 1910-1911 гг. Леруа-Болье верил, что такой вариант развития России еще возможен. В 50-летнюю годовщину отмены крепостного права, отмечая, что преобразование страны, начатое в царствование Александра II, не было доведено до конца, он писал: «Великое дело реформ, которое превратило бы Россию в современную и свободную страну, должно быть предпринято теперь в сотрудничестве с избранными силами нации. Пусть это дело, и необходимое, и сложное, будет совершено последовательно и мирно, без потрясений и без отступлений назад»⁶³.

*Российский государственный социальный университет
Гуманитарный Факультет*

kseniatsy@rambler.ru

63. А. Леруа-Болье, «Николай Милютин и Великая реформа», *Русское слово*, 19.02 (4.03).1911, № 40, с. 9.